

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Роман
Шабанов

Кладовка

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Роман Шабанов

Кладовка

«ФТМ»

Шабанов Р. В.

Кладовка / Р. В. Шабанов — «ФТМ», — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Герои пьесы один за другим скрываются в своем чулане и исповедуются перед стареньким телевизором.

© Шабанов Р. В.

© ФТМ

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Сцена 1	7
Сцена 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Роман Шабанов
Кладовка
Комедия-исповедь в двух действиях

Действующие лица

Мать.
Сын.
Отчим.
Бабушка.
Дедушка.
Мастер.

Действие первое

Действие первого и второго действий происходит в кладовке. Слева иконы на полочке, сгоревшие свечи, на противоположной стенке – полки: сверху соленья, две полки укрыты тканью в синий цветочек, полка с банками из-под пива, под ней корзина для грязного белья (переполненная). Справа стоит сундук, на нем старый телевизор советского производства.

Сцена 1

Сын (*вбегает взволнованно*). Дорогой телевизор, я хочу с тобой поделиться одной штукой, точнее, это не штука, это тайна, которую я хочу тебе рассказать. Значит, так... с чего бы мне начать? С самого начала – так вот, все началось еще... да, когда же это началось? Мне кажется, что еще... Только чур, молчать. Прикусить язык и... я, конечно же, понимаю, что ты старый сломанный ящик, который у нас стоит с тех самых пор, как я себя помню, и ты никому ничего не сможешь поведать. Чем бы ты сказал? Голосом старым, таким, как у деда или у бабы, хотя у бабушки, если на нее не смотреть, голос очень даже ничего. Это дед говорит, как старая швейная машинка. Она тоже, кстати, здесь где-то стоит. Ага, уф, пыли здесь. Здесь кто-нибудь убирает? Да, на той неделе мама дала мне задание, и я делал вид, что ведрами выношу мусор, а сам закрылся, разговаривал с тобой и выносил пустые ведра, имитируя, что они очень тяжелые. Потом побрызгал водичкой, как дед в блестящей одежде в церкви, и вся пыль приклеилась к стенам и стала невидимой. Извини, на тебе тоже, наверное, слой истории. Я смахну (*берет тряпку, открывает – там краски*)... о, краски! Засохшие кисточки, мои, вот те на... вот их куда поставили! Маме не понравилось, как я начал карьеру художника. Ну и что, что я ел их. Для того чтобы узнать всю правду творчества, надо познать ее на вкус, на ощупь. Эх, как жалко, что не сохранилась моя первая картина – я ее назвал «Наш дом в разрезе». Я всех там упомянул. Взял несколько листков из пачки, склеил и получился один большой лист. На нем я изобразил квадратики, много квадратиков и прямоугольников тоже – квартиры нашего дома, а там всякое – Леня воспитывает Журика, пса своего, тетя Катя висит часами на телефоне, а у нее молоко убегает вместе с супом, да наша семья – бабушка ждет дедушку у окна, деда нет, он у магазина пьет пиво, мама с дядей Володей на кровати разгадывают кроссворды. Они часто закрываются в комнате и разгадывают. Наверное, дядя Володя умный очень. Интересно, он согласится со мной разгадывать? Я тоже не дурак. Читаю энциклопедию «Я знаю все». Правда, мало запоминаю, но мне кажется, что вся информация записывается в голове, и я вспомню тогда, когда это будет необходимо. О, вот здорово (*находит среди красок кисточку*) – та самая кисточка, на которой я вывел свое творческое имя, псевдоним иначе. Мне нравится наш президент. Он говорит очень умные слова, наверное, тоже читает энциклопедии. Надеюсь, он не будет против, что я использую его фамилию... да он и рад будет, что я его увековечил. А рисовать... писать, писать, меня же учили, буду только на одну тему – герои. Не те, что картошку и котлеты покупают, это так себе – посредственности. Но такие тоже нужны. Если бы вокруг были одни герои, то делать было бы нечего. Они бы все время соревновались между собой, кто из них лучше. Придумали бы спорт, команды, олимпиаду специально для героев. Ты же пенсионер, еще со времен войны, наверное, и видел героев. Они стреляли в других и взрывали... мне непонятно, неужели убийц можно назвать героями? Это неправильно, мне кажется. Черно-белые солдаты бегут по черной земле, в сером небе самолеты, и все хотят стать героями, чтобы им прицепили черно-белые медали... ерунда (*зло вытирает экран*). Говорят, что все внутри тебя только двух цветов – черного и белого. Вот жадные создатели. Хотя дело, наверное, не в этом. Тогда не было специальной краски, которую заливают в телевизоры. Только два цвета было, и все, а остальных не добывали. Правда, в Америке уже добыли, а у нас нет. Как всегда, в общем.

Пауза, задумчиво смотрит на экран и направляет на него воображаемый пульт, потом ударяет себя по голове и включает телевизор.

Так, что мы имеем? Новости с черным диктором. Фильм про джунгли с серой травой, как будто она испачкана грязью. Дальше... мультики... про драконов. Странно, что даже и японские мультики бесцветные. Как неинтересно. Так и хочется раскрасить экран. Это все равно, что школьная форма. Когда ее одеваешь, становишься неинтересным, а как только джинсы и

футболка – мир прекрасен. Да, моя мама была в ящике. Когда-то она снималась. Давно. Говорят, она была «Мисс – Здоровые зубы», когда ей было пять... не может этого быть, что и она тоже была всего двух цветов. Хотя чему тут удивляться? Стоит заглянуть сюда, как все сразу всплывает – хроника прошлого века. Черт, какая странная жизнь... Пройдет еще сто лет, и в нас тоже верить не будут, а потом и в тех, кто не верил в нас. Вот штука. А может быть, все это ерунда – ты тоже цветной, а все эти истории – это байки. И все же я не верю в это, но и проверить никак не могу – ты же сломан. Хотя это даже и хорошо, что ты не работаешь. Если бы ты работал, то тебя бы обязательно сейчас кто-нибудь смотрел. В нашем доме постоянно что-то смотрят – или большой телик, что в зале, или в окно (бабушка любит), особенно когда дедушка идет в магазин: она знает, где он останавливается, чтобы выпить свою бутылку пива. Сколько раз я ему говорил: заходи за угол. А он – то ли забывает, то ли специально это делает, чтобы бабушка ругалась. Она добрая, только когда голос повышает, в ушах сперва очень щекотно, а потом начинается такой звон, словно в колоколе уснул, а звонарь тебя разбудил. Бабушка – звонарь. Прикольно. Она верующая, а я нет, мне кажется, что вся эта история про бога, придумали ник, тоже мне... Байда, мужик, который создал мир, умер, а потом воскрес. Может быть, с ним просто приступ был, и его откачали? Либо пустили утку, что он жив. Как Майкл Джексон. Он умер, а на следующий день весь Интернет: «король поп-музыки жив». Что скажешь, старики они такие чудные. Да, о чем я? О твоём собрате, он стоит у нас в зале – плоский и тонкий, не такой, как ты, конечно. Вот именно он постоянно включен. Мне кажется, что он устает, но если бы он мог говорить, то наверняка бы пожаловался на маму, ой, пошел бы своими плоскими ногами по плоскому полу и сказал: «Надежда Трофимовна, дайте мне снотворное, чтобы поспать». Мама ахнет. А он поднимет свой длинный кабель и успокоит ее: «Не волнуйтесь, просто выдерните из розетки». Да, он нагревается и электризуется. К нему можно прислонить до пяти листков одновременно, и они будут держаться. Интересно, ты на это способен? Вот бы вас познакомить. Тогда бы он тебя поучил. А может быть, и ты что-нибудь полезное сказал бы? Хотя вряд ли. Неправильно, что мама не смотрит на тебя, когда готовит суши для своей подруги костлявой, Галины. Я ее зову тетя Га... не заканчивая имя специально. В ней есть что-то гусиное. Наверное, голос. Так вот, телик включен, мама заворачивает сырую рыбу... фу, какая гадость, а он работает и работает, и, если честно, я очень боюсь, что однажды он не выдержит такого отношения и взорвется... бах, и нет его. А так как телевизор большой, то и взрыв будет немаленький. Вот от тебя мало потерь. Размером с кладовку разве. Поэтому и стоишь здесь. Каждый предмет стоит по размерам своего ущерба... какая интересная теория, надо будет деду сказать, он меня точно поймет. Он любит разные теории. Сейчас время обеда, а обедом и не пахнет. Мама на работе, бабушка уже как два часа назад отправила деда в магазин, мы сидим голодные. Конечно, мама умеет готовить, и то, что суши для соседки – это редко, но что мне больше всего не нравится, так это что мама читает всякие журналы с разными рецептами и готовит по ним. Ой, сколько раз я ел такое... у меня словарный запас не такой богатый, чтобы я мог сказать, как это было вкусно... в самых кудрявых кавычках. Она любит все делать приблизительно, примерно на двадцать процентов. Если она готовит котлеты, то они у нее не котлеты – это то, что можно назвать похожее на котлеты, такой же у нее борщ, и почему-то торт не сладкий, а такой перченый. Может быть, так вкуснее, и я не понимаю про еду ничего, еще слишком мал, но мне кажется, что тут и так все должно быть понятно: или вкусно, или хочется пойти в свою комнату. Да, мама и фильмы смотрит только так: начало и конец, наверное, тоже не больше двадцати процентов наберется. Может быть, и я у нее получился на процентов двадцать.

Пауза.

Антенны твои – это здорово. Помнится, как их вонзал в неприятеля на задворках дома. Хорошая была шпага (*берет в руки, вынимает*) – немного погнулась, но еще ничего. Здесь места мало, чтобы... да и неприятелей нет, разве что пауков насаживать. (*Пытается разгля-*

дети.) Лампочка тусклая, в каких-то пятнах... да, это же я тут все красил и замызгал, но все равно красиво. Ох, мы с дядей Володицей надышались. Потом кефиром очищались, точнее, я, а он чем-то другим, компотом, наверное. Мне он нравится, но я так сразу не могу ему сказать об этом – во-первых, я еще не готов, во-вторых, он может подумать, что я слишком слабохарактерный, что вот так просто разговариваю с малознакомым. Поэтому пока смотрю на него серьезным взглядом, пусть видит во мне твердость духа и характер, пройдет немного времени, и я решусь, а пока... только ты никому, да что я, не знаю, ты умеешь хранить тайны... Кстати, та тайна... она живая. Совсем забыл, но ты же знаешь, что мне нужно. Вот не надо, еще как знаешь. Я о том, зачем я сюда зашел. Ты всегда так хитро на меня смотришь, что у меня колени подгибаются... ладно, вот что мне нужно. Очень трудно начать. Я и в школе так: расскажи про свои каникулы, просит Неля Петровна, а я стою и молчу, не знаю, как будто все лето сидел в черном ящике и ничего не видел. Да, почти таком, как у тебя. Но ведь это же неправда. У меня было очень активное лето, и все, что там происходило – и поход в лес, поездка на дачу, игры во дворе и книги, которые я прочитал, – я все хотел рассказать, но что поставить на первое место, не знал.

Пауза.

Все, я решил. Я задам тебе один вопрос, ты сильно не удивляйся, просто с этого я начну делиться своей тайной. Сама тайна прозвучит позже, и она обязательно прозвучит, ты только потерпи. Как ты относишься к тому, чтобы ты пошел на что-то важное ради близкого или того, кто тебе небезразличен? *(разводит руками, пытаясь объяснить, не может найти подходящих слов)* Ну... если бы мне можно было обменять, то есть отдать что-нибудь взамен... я отдаю эту вещь, а мне разрешают то, что я хочу... вот было бы здорово. Я что, вещь не найду какую-нибудь? Например *(ищет глазами)* ты, ты согласишься... пойми: он там один, там снег, ему холодно, а ты все равно не работаешь. Ему нужнее. Я поселю его здесь. А запах... да здесь все равно складывают грязное белье.

Отвлекается, подходит к двери, прислушивается.

Это что за шум? Бабушка так не ходит, она обычно шаркает, звук, конечно, раздражает, а что делать: зажимаешь уши, считаешь до пяти, открываешь – слышишь снова – до пяти, и так, пока бабушка не дойдет до нужного места. С дедом еще хуже: он шаркает реже, поэтому приходится считать до десяти, хотя он меньше чем за тридцать отсчетов до места не доходит. Я бы сделал другие тапочки – без шумовой подошвы. Куда проще. Надо будет деду об этом сказать, он у меня поймет. Это не бабушка, точно, и еще один голос, точно не дедушкин. *(Прислушивается.)* Что, мама дома? А бабушка где? Блин, здесь нужно перископ установить. *(Стучатся, голос: «Закрывается, снова мать закрыла», шепотом.)* Мамин любовник. Блин, вот засада. Сейчас пойдут ко мне в комнату, зуб даю, что ко мне... только не ко мне. *(Возня, скрежет.)* Так они прямо здесь... что они делают, сейчас же дверь разнесут. Мама, ты что делаешь? Ни стыда, ничего нет. Нет, нет... как они на дверь надавили. Сколько он весит? Надо дверь... а то снесут... попридержать. Она же знает, что у нас две двери в кладовке. Не понимаю, зачем. Да, блин. Вот умора, держу дверь, на которой трахаются мама и этот новый. Да, будет чем похвастаться во дворе. У нас за такую новость уважать будут. Ничего, я потерплю, уже сил не осталось, а мы надавим и тогда... легче стало? Спугнул, что ли? Вот черт. Придется как-нибудь под кроватью спрятаться. А что делать? Не подойдешь же ты к маме и не спросишь, пусти меня сегодня под кровать, наверняка на дверь укажут. *(Прислушивается.)* Ушли.

Пауза, во время этой паузы играет с выключателем – то включит, то выключит свет.

Да, я никогда ничего не просил у родителей. Все просят, а я нет. Может, стоит начать? Лешка из третьего подъезда постоянно виснет на маме и «ку-у-пи», он точно ку-ку, но и умник – добывается своего. Захотел колбасу за тысячу рублей – пожалуйста, захотел машинку на батарейках – ради бога. Вот я и решил. Впервые в жизни хоть что-то попросить. Котенка. Не колбасу, не машинку, а маленького котенка... я разве не говорил? Хочу завести котенка, а у

мамы аллергия. Мало того, у деда тоже какая-то «инфлюенция», так бабушка странно выражается. А отчим, кажется, никого из животных не любит. Он, наверное, никогда не был маленьким. Родился уже с бородой и кислым выражением на лице, будто проглотил лимон, сперва прожевал, потом уж и проглотил. Если мама согласится, то цепная реакция перейдет и на всех остальных, но мама такая твердая. Она говорит, что кокосовые орехи одним ударом колола. Врет, наверное, хотя что я говорю... про родных так нельзя. Они заблуждаются, но не врут ни в коем случае. Но отчим обещает купить боксерские перчатки и сводить меня в зоопарк, показать, как обезьяны раскидывают свои кака... в общем, ты понял, по клетке. Я представляю, что было бы у нас, если бы мы тоже самое делали у себя дома. Я бы прятался здесь. Закрылся. Тут есть немного запасов (*берет банку*) – огурчики, помидорчики, компотик с пенкой. Да, весело здесь будет. Там битва с неприятным запахом, тут я – пью забродивший сливовый компот. Хорошо. Так, кто-то еще пришел. Надо выходить, а то снова будут отчитывать... а мне нужно сделать так, чтобы я был идеален во всем. Как же еще добиться того, чтобы у меня появился котенок? Говорю это, а у самого сердце бешено колотится. У меня может быть котенок! Я буду с ним... еще не знаю – играть, наверное. Первый же, это не черепашка и не рыбка, это котенок. Все, пока... квадрат, я на волю, быть шелковым, но это до поры до времени.

Затемнение.

Сцена 2

Мать. Хорошо, что никто сюда не заходит, кроме меня. Наверное, приняли бы за дуру. (*Смеется.*) Тетка тридцати пяти лет закрывается в кладовке и говорит с раскуроченным ящиком, в котором паутины и мертвых тараканов явно больше, чем под кухонным столом. (*Успокаивается.*) Да, а куда деваться? Места в доме мало, три комнаты – и все заняты. Да и атмосфера не та – все мешает, места много, и кажется, что все тебя слушают, эхо такое... а здесь тихо, говори сколько хочешь, а он молчит. Был у меня один молчун. Красивый, черт, но молчит. Я ему: «Анекдот расскажи», а он мне хитро так улыбнется и продолжает молчать. Как-то мне сказал, что любит, так я думала, сейчас припадет к ногам и... ничего, потом сказал, что уезжает, и все. До свидания, корабль уплыл, девушка осталась на берегу. Много было таких несуразных. Они мне подарки делали, цветы подносили, а я все пыталась разгадать, кто же из них настоящий. Как кто-то сказал: нужно прочитать за всю жизнь всего десять книг, но чтобы найти эти десять – перечитать тысячи. Мне не нужно десять, да и книги-то я не очень, в них много слов, а словам я сейчас не верю... слишком много было сказано слов, пусть другие читают. Я не могу. Потом был у меня служивый, он мне кольчугу подарил. Зачем? Да это разве важно? И когда он попросил меня ее надеть, я сделала это, и мы наслаждались друг другом под металлический трезвон, да, он был извращенец. На теле потом еще долго следы от колец оставались и точки от ржавчины. Он, наверное, эту кольчугу не только мне дарил. Отдала обратно в результате. Пусть с другой наслаждается. Лет в семьдесят повесит ее на стену и будет предаваться воспоминаниям под «Столичную». И откуда такие берутся?

Пауза, вытирает уголки губ.

Потом, помнится, бизнесмен был. Два года со мной жил, и я наблюдала, как он катится вниз. Никогда не думала, что человек с машиной и квартирой может за два года все это спустить и оказаться на улице, на детской площадке вместе с алкоголиками, которые стоят там, как достопримечательность. Сколько унижения... Не думала, что я – отличница, завоевавшая три медали на соревнованиях по легкой атлетике, вот так буду жить. Как мне надоели эти слова: «Ты хорошо выглядишь, может быть, отужинаем у тебя?» Все, я не могу. Я порой завидую деду: он почти не слышит. Так и хочется тоже не слышать и не видеть. Я бы первая после китайцев на Луну полетела. Там бы дом поставила, качалку и смотрела на далекую землю, где остались все мужики, которые были в моей жизни, и тыкала пальцем в землю, она бы лопалась, как мыльный пузырь. День и ночь бы сидела и тыкала, пила лунный лимонад, курила лунную марихуану и тыкала шарик земли. Как жаль, что здесь нет спиртного. Это место напоминает винный погребок. Был у меня один любитель. Он банки коллекционировал. Говорил, что за меня пьет, спился, гад. Водочные я выкинула, а эти – их же можно сплющить и сдать. Не я же буду это делать. (*Хватается за волосы, распускает их, смотрится в стекло телевизора, как в зеркало.*) Надо же: филолог, мать твою – читать мне противно, умные речи подзабыла, так, несколько фраз из Шекспира. Вот так вот. Не говорили на первом курсе, что меня ждет, а зря. Знала бы – пошла на ветеринара, лечила бы всякую живность и, наверное, смогла бы полюбить их. А то смотрю как на врагов народа – голуби гадят, собаки кусают, кошки царапают до крови. По-другому не получается думать.

Пауза, берет полусплюсненную банку из-под пива и смотрится в нее, как в зеркало.

А фигура у меня была... Конечно, только лучшая еда, а потом – что достанешь. Главное – что-то, и спать. Лень то, лень это. Даже сексом лень заниматься. Он пыхтит чего-то, а я не могу. Знал бы он, как непросто расслабиться, когда в голове сидит клещ и кусает: у тебя нет личной жизни, у тебя нет... а он пыхтит, пыхтит и уходит. А я лежу – по его мнению, бревно бревном. А заставить себя не могу, это нужно все в себе поменять. А не хочется. Да и зачем? Допустим, поменяю я, и что дальше? Подкрашусь, оденусь в новое, да прическу там по жур-

налу сделаю – пойду, опять мужики те же. Они же об одном мечтают. Потрахаться и свалить домой. Этот сидит пока, да тоже вялый какой-то. Да пусть валит. Только сына жалко. Сейчас вот канючит. (*Ставит банку на место.*) Он плачет, я устала от его плача. Мне кажется, что он делает это нарочно. Закрывает глаза кулачками и изображает хныканье. Котенка он хочет... Я когда сопливой была, то босоножки хотела, с камушками, в магазине – там дети приходили с родителями и примеряли, я тоже заходила и на время как бы становилась дочкой какого-нибудь мужчины: садилась и примеряла туфельки, если подходила продавщица, то говорила, что папа сейчас подойдет, он курит. Там постоянно кто-то курил, так как мамы в основном заходили в обувной, а отцы стояли у двери и нервно смотрели на часы.

Пауза, смотрит на свой растрепанный вид – халат, тапочки.

Ведь нельзя же постоянно идти на поводу. Сегодня – котенок, завтра – машина, что дальше? Нет, вот будет жить один, или нет, путь во дворе заведет, конуру сколотит... пусть проявит фантазию. (*Смеется.*) Я, блин, так много врала своим ухажерам, что забывала, кто я есть на самом деле. Помнится, представилась актрисой и позвала его, дура, на премьеру нового фильма, он и пришел. Я, правда, нет. Зачем? Просто не хотела быть той, кем была тогда. А кем была? Да никем. Мама в больнице день и ночь, отец на заводе, а я сама по себе. По выходным в сад – батрачить. Красота. Не об этом я мечтала. О другом. Вот и перестала помогать. А мать-то как заведенная – она любит в земле возиться, отец – тот хоть и не согнется, но тоже постоянно при деле. А я ничего... я тогда думала, что этим самым смогу свою жизнь выстроить. А что? Разве неправильно? Я отказываюсь гнуть спину на картофельных плантациях и отныне за городом только отдыхаю. Как я уговаривала своих, но они морщили носы. И что в итоге? Все равно дом продан, и мы живем вместе. Что изменилось? У родителей – позвоночник, ноги, сердце, картошку покупаем в супермаркете, и что делать дальше, я не знаю. Я же понимаю, что все мои проблемы личного характера именно от этого. Как приведу кого-нибудь, он запуганным становится. Знакомлюсь с орлом, здесь он – воробушек. И это понятно: мамка моя его своими речами заговаривает – о травах и прочем, дед тоже принимает к нему, как к врагу народа. Разве можно спокойно жить? Сбежишь тут. Поэтому надо разъезжаться. Домик присмотрела за городом. Сто километров отсюда, но ничего, там и лес, и речка – все рядом. Им должно быть хорошо. Собаку заведут, котенка, да хоть двух. А мне нужно семью создавать. Так хочется второго ребенка... Все вроде правильно делаю, и даже то, что моя работа никак не связана со специальностью по диплому, нисколько не смущает. Мне уже не важно, чем буду заниматься. Чинить тракторы, готовить суши (это я хорошо умею) или писать статьи в юридический журнал. Главное, чтобы он был со мной, каждый день целовал меня перед уходом на работу и при встрече повторял те же действия. И тогда ночью его ждет такой секс, какого у него никогда не было. А пока – вялость и отсутствие аппетита. Я почему не готовлю – потому что не понимаю веских причин: сын... чем он питается, я не знаю, никогда не ест мою стряпню и всегда ходит с испачканными щеками, как будто только что из-за стола. Родители готовят сами, привыкли уже. Я только пью кофе и не помню...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.